

DOI: 10.35852/2588-0144-2023-4-30-41
EDN DCKYHD
УДК 792.075(092)"1941/1943"

А. А. Степанова
Российский институт театрального искусства — ГИТИС,
Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3043-6967

Начало войны. Эвакуация. Возвращение в Москву. Поступление в театральную студию. Материалы к биографии А. В. Эфроса (1941–1943)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена важнейшему трехлетию (1941–1943) в судьбе А. В. Эфроса. Именно в это время он принял решение связать свою жизнь с театром. Однако нет никаких свидетельств, объяснявших бы мотивы подобного решения. Сам Эфрос никогда не говорил и не писал об этом, его родные и близкие также не оставили сведений на этот счет. Автор статьи предпринимает попытку проследить событийную линию биографии Эфроса тех трех военных лет и воссоздать исторический и культурный контекст его жизни. Выдвигается гипотеза, что именно эвакуация в город Молотов (Пермь) прямо или косвенно спровоцировала интерес юного Эфроса к театру.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Анатолий Эфрос, Великая Отечественная война, советский театр, Пермь (Молотов), студия К. М. Воинова, Анатолий Адоскин.

DOI: 10.35852/2588-0144-2023-4-30-41
EDN DCKYHD
УДК 792.075(092)"1941/1943"

Anna A. Stepanova
Russian Institute of Theatre Arts (GITIS),
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3043-6967

The Beginning of the War. Evacuation. Return to Moscow. Admission to the Theatre Studio. Materials for the Biography of A. V. Efros (1941–1943)

ABSTRACT

The article is devoted to the most important three years (1941–1943) in the life of A. V. Efros. At this time he decided to connect his life with the theatre. However, there is no evidence to explain the motives for such a decision. Efros himself never spoke or wrote about this, and his relatives and friends also did not leave information on this matter. And therefore the author made an attempt to trace the event line of Efros's biography of those three war years and tried to recreate the historical and cultural context of his life. Perhaps it was the evacuation to the city of Molotov (Perm) that directly or indirectly provoked young Efros's interest in the theatre.

KEYWORDS

Anatoly Efros, Great Patriotic War 1941–1945, Soviet Theatre, Perm (Molotov), studio of K. M. Voinov, Anatoly Adoskin

О московской школьной учебе Эфроса не сохранилось сведений, только в анкете режиссер указал, что завершил обучение в 1941 году, с окончанием восьмого класса¹. Выпускные балы в столице прошли 20–21 июня. Стояла жара, было душно, когда в полдень по всему городу голосом В. М. Молотова, объявившего о начале войны, заговорили репродукторы: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» Жизнь переменялась сразу. «Одновременно с огромным патриотическим подъемом, вызванным сообщением т. Молотова, среди населения появились панические настроения. Во многих магазинах образовались очереди, покупают, главным образом, сахар, крупу, соль. Очереди наблюдаются также за керосином. В сберегательных кассах много людей за получением вкладов и сдачей облигаций государственного займа» [1, с. 405]. Уже в первый день войны москвичи принялись носить песок на чердаки своих домов, чтобы спасти их от зажигательных бомб, а к вечеру начали действовать жесткие правила затемнения, и припозднившихся прохожих пугали фантомные черные улицы города.

Эфросы, судя по скудным сведениям гитисовской автобиографии, покинули Москву довольно быстро. «Завод, где работали мои родители, эвакуировали в г. Энгельс»². Этот город, расположенный на Волге в семи километрах от Саратова, принял за все военные годы несколько оборонных заводов и тридцать пять тысяч эвакуированных. До того Энгельс девятнадцать лет был столицей АССР немцев Поволжья, но 28 августа 1941 года утратил этот статус. Неизвестно, видел ли Анатолий Эфрос, как высылали русских немцев из их собственного города, но, скорее всего, нет: «В Энгельсе, пробыв месяц и получив там паспорт, т. к. мне исполнилось 16 лет, я уехал с родителями в Молотов, куда послали работать моего отца. В г. Молотове я поступил на завод и работал до отъезда в Москву, одновременно кончая 9-ый и 10-ый класс в вечерней школе. В Москву я приехал в 1943 году»³. Шестнадцать лет Эфросу исполнилось 3 июля, так что он прибыл в Молотов либо к концу лета, либо в самом начале осени.

Можно только вообразить, как семья Эфросов, прежде весьма благополучная по меркам того времени, передвигалась по мобилизующейся стране. Неизвестно, как ехали, в относительном комфорте или наоборот. Неизвестно, как переносила все это избалованная родителями и мужем Лидия Соломоновна.

Зато вполне понятно и безо всяких свидетельств, как изо всех сил оберегал близких Исая Васильевич. Наверняка Эфросу легче родителей давались все дорожные тяготы, потому что, несмотря на войну, это было путешествие и приключение: нигде, кроме смутно помнившегося Харькова, Москвы и, судя по сохранившимся фотографиям, дачных пригородов, он до сих пор не бывал.

1 Эфрос А. В. Автобиография. Личное дело А. И. Эфроса // Архив Российского института театрального искусства — ГИТИС.

2 Там же.

3 Там же.

«Областной центр г. Молотова физически существовал 17 лет — с 9 марта 1940 по 4 октября 1957 года» [2, с. 107]. Имя одного из самых крупных тогда советских государственных деятелей В. М. Молотова (1890–1986) «присвоили Перми в честь 50-летия Молотова и отменили, после того как Молотов был снят со всех постов в результате поражения антипартийной группы. На молотовскую эпоху Перми падают годы войны, годы резкого роста города, эвакуация в город Молотов военных заводов, эвакуация Кировско-Мариинского театра и ленинградского хореографического училища» [2, с. 105].

Юный Эфрос, вступивший в совершеннолетие посреди длинного пути в эвакуацию, оказался в городе, где, как полагают многие исследователи, Чехов поселил своих трех сестер, тоже вынужденно оставивших Москву; а Пастернак, полгода там проживший перед революцией, переименовал его в Юрятин и сделал местом действия «Доктора Живаго». Город стоит на высоком берегу, вдоль реки Камы, тогда он был окружен не только сосновыми борями, но и гулаговскими лагерями. С началом войны Молотов быстро осваивал законы тыловой жизни.

«В августе-сентябре по всему городу виднелись плакаты и карикатуры. Они вывешивались на площадях, в окнах магазинов и аптек. В Комсомольском сквере был помещен плакат “Больше военной продукции”; на здании гастронома на углу улиц К. Маркса <...> и Ленина <...> — “Непобедимых армий не было. То же самое нужно сказать о нынешней армии Гитлера”; на здании театра оперы и балета — панно — “Бьемся мы здорово, колем отчаянно, внуки Суворова, дети Чапаева. <...>» [3]. На первых прогулках по незнакомому городу да и потом Эфрос наверняка читал эти и многочисленные другие лозунги-призывы, рассматривал сопровождавшие их рисунки, созданные в просуществовавшей всю войну в Молотове Агитмастерской по изготовлению плакатов и агитокон, которая каждый месяц выпускала не меньше десяти цветных плакатов тиражом примерно триста штук, которыми и обклеивали весь город.

«Население города быстро увеличивалось — с августа начали прибывать беженцы и эвакуированные. Появились новые проблемы: всех нужно было где-то расселить и устроить на работу. Стало не хватать элементарного: бань, прачечных, дезинфекционных помещений» [3]. Неизвестно, в каких условиях в молотовскую пору оказались Эфросы, но, как и у большинства заводчан, быт их вряд ли был слишком благоустроенным. Людей селили на окраинах возле эвакуированных заводов, для них спешно строили двухэтажные засыпные или щитовые деревянные бараки, из которых образовывались целые поселки. Скорее всего, и Эфросы жили так, где-то в отдалении от центра города. «Еще не вовсе забытые и вновь вернувшиеся продуктовые карточки, очереди, скудные запасы одежды и в особенности обуви, которые нечем пополнить, скученность, перед которой обычный коммунальный быт выглядел роскошью, а главное, оторванность от дома — все это не то чтобы не замечалось,

но ощущалось временным, рождало энергию стремления к мирной жизни, которая, казалось, после войны будет особенно прекрасной» [4, с. 270].

А между тем в самом Молотове «культурная жизнь не останавливалась. Она по-прежнему оставалась в форватере событий, помогала горожанам выжить. С 26 августа в молотовском драматическом театре состоялась премьера пьесы Константина Симонова «Парень из нашего города». Тремя днями позже в художественной галерее открылась выставка. На ней была представлена картина нашего известного земляка⁴ К. Петрова-Водкина «Тревога»⁵. Посетители могли увидеть плакаты «За Родину» А. Полянского, «Чем крепче тыл, тем крепче фронт» О. Эйгенсса, «За Родину! За Сталина!» И. Тоидзе. Еще были концерты, танцы, художественная самодеятельность...» [3] (Авторская орфография сохранена. — А. С.).

Впрочем, художественную галерею вскоре закрыли для посещений, потому что в город «был эвакуирован почти весь богатейший фонд Государственной библиотеки им. Ленина, здесь же «укрывались» экспонаты двух важнейших художественных музеев страны — Третьяковской галереи и Русского музея» [5, с. 33]. А еще сюда прибыли сотрудники и коллекции московских Государственного музея восточных культур и Государственного театрального музея имени А. А. Бахрушина. Не только людей, но и экспонаты разместить было нелегко.

Приезжие заметно повлияли на строй жизни тылового Молотова: город был перенасыщен произведениями искусства и творческими людьми. «Молотов — это эвакуация культуры: книги Веры Пановой, фотографии Родченко, картины Иогансона, тайное пророчество Мессинга о точной дате смерти Сталина (предсказание было сделано в конце войны), гениальный хит Хачатуряна «Танец с саблями», написанный в нашей семиэтажке, в гостинице Центральная» [6].

Конструктивистская гостиница «Центральная» на улице Сибирской, построенная в начале тридцатых годов, в обиходе так и называлась тогда — «семиэтажкой». Она стала своеобразным эпицентром жизни эвакуированных артистов, композиторов, художников, писателей. Здесь А. И. Хачатурян создавал балет «Гаяне», тут же оставался в 1943 году С. С. Прокофьев, приехавший на работу партитуры «Золушки» для Кировского театра оперы и балета. Тяжело больной Ю. Н. Тынянов здесь написал свой последний рассказ «Гражданин Очер». В. А. Каверин случайно зашел сюда к кому-то в гости и встретил свою жену с ребенком, которую долго разыскивал; здесь же работал он над второй книгой романа «Два капитана». Здесь В. Ф. Панова закончила замечательных «Спутников», которые впервые вышли в Молотовском книжном издательстве. Литераторов собралось много, и с 1941 года они регулярно проводили встречи с местными читателями, которые назывались «Тематические вечера» [7, с. 35].

4 Ошибка автора. К. С. Петров-Водкин (1878–1939) родился в волжском городе Хвалынске и посетил Пермь только единожды, проездом в 1938 году.

5 Полотно Петрова-Водкина «Тревога» написано в 1934 году как воспоминание о Гражданской войне и изображает женщину с прижавшейся к ней дочерью, спящего в кроватке младенца и отца семейства, тревожно всматривающегося в темное окно.

Но большую часть «семиэтажки» занимали артисты Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова (ныне Мариинский театр), среди которых была и Г. С. Уланова, а также преподаватели балетного училища. Еще в августе 1941-го, когда в Молотов пришел эшелон из Ленинграда, для них освободили большую часть гостиницы. Уже 13 сентября в здании своего музыкального театра, построенного в конце XIX века, горожане слушали оперу «Иван Сусанин», а 14-го смотрели балет «Лебединое озеро» в исполнении ленинградских артистов. Так начался первый из трех сезонов, проведенных Кировским театром в эвакуации.

Неизвестно, видел ли Эфрос и его родители что-нибудь из ленинградского репертуара. Но спектаклей местного театра оперы и балета они точно увидеть уже не смогли, потому что хозяева уступили гостям свое здание в безраздельное пользование, а сами до 1944 года выступали в городах области. Вряд ли юный Эфрос смотрел детские спектакли молотовского кукольного театра, хотя в те годы его возглавлял выдающийся ленинградский художник Юрий Алексеевич Васнецов, а вот в областном театре драмы Эфрос, напротив, побывать вполне мог.

ОБЛАСТНОЙ ТЕАТР ДРАМЫ

Труппа этого театра выросла из самодеятельного ТРАМа, открывшегося в конце двадцатых, она долго кочевала по городам Южного Урала, потом осела в Молотове, получила постоянный статус, но, как и кукольный театр, во время войны своего помещения еще не имела. Наверное, к началу войны в театре оставался кто-то из артистов, приехавших туда в тридцатые годы после окончания ГИТИСа. С 1941 по 1944 год главным режиссером театра был Иван Семенович Ефремов (1898–1959). Он работал во многих провинциальных театрах, в 1950-х годах переехал в Ленинград, был главным режиссером БДТ с 1950 по 1952 год, затем чиновником Управления культуры. Любопытно, что когда-то он начинал свой профессиональный путь актером и режиссером Краснозаводского театра в Харькове и уехал оттуда в 1927 году, когда Эфросу было два года. Судя по всему, был Ефремов средним провинциальным режиссером, и молотовский театр при нем за все военные годы не знал особых прорывов или провалов, хотя звание заслуженного деятеля искусств РСФСР он получил в 1943 году в Молотове.

Впрочем, то, что «бездомный» молотовский коллектив выжил во время войны, и было, вероятно, главным достижением Ефремова. В 1941 году для всего советского театра ввели режим жесткой экономии: артистов-мужчин призывали на фронт, урезали дотации, свели до минимума затраты на постановки, многие театры перевели на самоокупаемость.

При всем том идеологический диктат лишь усилился: «Художественная деятельность уральских театров на стационаре подчинялась жесткой регламентации различных государственных, партийных и профсоюзных организаций.

Все они были призваны не допускать на сцену спектакли, которые не отвечали историческому и политическому моменту. В первой половине войны в репертуаре доминировали советские спектакли военной и патриотической тематики. <...> Для наибольшей интенсификации такого воздействия из репертуара театров исключались развлекательные постановки, а также те спектакли, которые не содержали необходимой идеологической основы. Для усиления эффекта перед началом спектаклей практиковалось проведение информационных лекций и обращений к населению. <...> В художественном отношении постановки начала войны часто не отличались высоким уровнем, как в политическом, так и культурном отношении» [8]. Но в 1943 году ситуация изменилась, государство вернулось к прежнему уровню финансирования театров. Тогда же Ефремов открыл у себя при театре студию, получив возможность пополнить труппу, а в 1948 году молотовский драмтеатр наконец обрел собственное помещение. Но это было уже много позже после отъезда Эфросов в Москву.

РАБОТА И УЧЕБА. РЕЭВАКУАЦИЯ

Вряд ли Анатолий Эфрос имел возможность часто видеть молотовские спектакли, потому что днем стоял у станка, а по вечерам все два года эвакуации сидел за школьной партией. Но в театр ходил наверняка. «Ожидание писем, ожидание сводок, ожидание возвращения домой и общее ожидание победы <...> рождало ту особую “соборность”, которая своим местом сделала концертные залы и театры. <...> Города, которые до того были вовсе не театральными, оказывались не только временным пристанищем театров, но насквозь пораженными театральной лихорадкой. Люди, которые, быть может, никогда бы в театр и не собрались, ходили на спектакли по нескольку раз» [4, с. 270]. Впрочем, сомнительно, что именно театральные события тылового Молотова породили особый интерес столичного юноши к сценическому искусству. Очевидно только одно: из эвакуации восемнадцатилетний Эфрос вернулся уже человеком, совершенно определившимся в своих устремлениях.

Неясна ситуация Эфроса с призывом в армию. Возможно, работа на авиационном предприятии освобождала его от армейской службы. Надо полагать, что именно с заводом № 122 Эфросы эвакуировались в Энгельс, откуда вскоре это предприятие перевели в Куйбышев. Тогда как завод «Авиаприбор», тоже входивший в круг предприятий Народного комиссариата авиационной промышленности, где до войны работал Исай Васильевич, сразу прибыл прямо в Молотов.

Военный билет № 3941339, хранящийся в семейном архиве Крымовых, выдан Эфросу только 23 сентября 1963 года. На второй странице есть пометка за подписью полковника Белова: «Киевским рай. военным комиссариатом г. Москвы зачислен в запас» 21 февраля 1948 года. На четвертой странице пометка: «Не служил», на восьмой указано звание «рядовой»,

а на девятой — что не имеет наград и ранений, на двенадцатой странице записать об отнесении к категории «необученных, годных к строевой службе»⁶.

Скорее всего, Анатолий Эфрос пошел работать сразу, как только приехал в Москву: нужна была трудовая карточка, иждивенческая для восемнадцатилетнего юноши означала полуголодное существование. «Еще не открылись коммерческие магазины; еще были продовольственные карточки, и хлеб составлял главную еду, которой всегда не хватало. Еще белый, пшеничный хлеб казался раритетом — вроде извозчиков, а за черным (400 граммов — иждивенческая карточка, 500 служащая и студенческая, 800 — рабочая и литерная) стояли очереди» [4, с. 279].

Первая запись в сохранившейся трудовой книжке датирована 14 августа 1943 года: «Общий стаж работы по найму до поступления на з-д 122, составляет 1 год 10 мес. На основании докум. — 4 м., со слов — 1 г. 6 м.», то есть в эвакуации Эфрос проработал полтора года. Но в графе «образование» почему-то есть пометка «8 кл.», хотя в своей гитисовской автобиографии Эфрос указал, что в 1943 году окончил «Школу раб. Молодежи г. Молотов». Из второй записи в трудовой книжке следует, что два дня спустя, 16 августа, согласно приказу, он стал сборщиком 4 разряда на заводе № 122 НКАП (Народного комиссариата авиационной промышленности. — А. С.)⁷. Летом 1943 года московская жизнь Эфроса началась заново.

Еще весной были приняты правительственные решения о возвращении из эвакуации многих московских учреждений, и самая большая реэвакуационная волна пришла в город как раз летом. Последнюю, 141-ю по счету, воздушную тревогу объявили 9 июля. В прошлое уходили «синие лампочки в уличных фонарях», «которые не давали света», и сдвинутое на час раньше время начала спектаклей [9, с. 335]. Самый первый московский салют, данный в честь взятия Орла и Белгорода, прозвучал 5 августа, и если Эфрос этого салюта еще не застал, то все остальные он, несомненно, видел и слышал. Салютов «иногда бывало по два в день. За последние три месяца 1943 года прогремело тринадцать салютов. 6 ноября был освобожден Киев. Москвичи любили это разноцветное вечернее освещение неприбранных и темных улиц. Салютов ждали.

Кое-где были развалины. На улицах снова, как в начале тридцатых, появились лошади. Памятники были укутаны или вовсе убраны с пьедесталов. Квартиры отапливались «буржуйками»: самодельные жестяные трубы выводились в форточки. И все-таки это была Москва!» [4, с. 273].

Открылся Политехнический музей. Вовсю работал Колонный зал Дома Союзов. Возобновились выставки и концерты. Театры постепенно, один за другим возвращались из эвакуации: кто-то с Урала, кто-то из Сибири, кто-то из Средней Азии или с Кавказа, этот процесс растянулся почти на два года — с 1942 по 1944 год. «Московские театры в ту пору показывали изголодавшимся по художественным наслаждениям москвичам наряду со старыми

6 Военный билет № 3941339 А. И. Эфроса // Частный архив семьи Крымовых. С. 2–12.

7 Трудовая книжка А. И. Эфроса // Частный архив семьи Крымовых. С. 2–3.

своими работами новые, подготовленные и сыгранные впервые в Свердловске, Челябинске, Омске, Алма-Ате. Ощущение близости победы в чем-то меняло зрительскую психологию — само обилие театральных впечатлений было уже как бы предвестием мирного времени» [10, с. 38].

ПОСТУПЛЕНИЕ В СТУДИЮ К. Н. ВОИНОВА

Неизвестно, на каких московских спектаклях побывал сразу после возвращения из Молотова Анатолий Эфрос. Зато примерно датировать первый и, вероятно, самый важный шаг на его театральном пути стало возможным благодаря свидетельству артиста Анатолия Адоскина: «Я уже занимался в студии Дома пионеров и однажды случайно оказался на киносъемках в массовке фильма “Зоя”⁸, мы копали где-то на Ленинградском шоссе окопы. Среди нас ходил какой-то человек, собирал людей в студию Воинова:

— Кто хочет? Кто хочет? Кто хочет?

И подошел ко мне:

— Вот есть такая замечательная студия.

Меня это очень заинтересовало, и я пошел туда сдавать экзамены. На улице Электrozаводская, напротив электролампового завода стоял огромный Дворец культуры МЭЛЗ⁹ с замечательным залом, с гримерными, с какими-то холлами из мрамора. И тут же рядышком был маленький двухэтажный особнячок. Там занимались драмкружки, на гармошках играли, туда ходила молодежь, и там базировалась студия Воинова. Я поднялся на второй этаж, где в темном коридоре стояло много-много молодых людей. Вызывали по одному. Когда я вошел, был ослеплен, они меня, как в определенной ор-

ганизации, осветили лампой. Константин Наумович сидел в полумраке за столом, а рядом были его ученики, они тоже участвовали в приеме. Он в основном молчал, задавали вопросы они. Я что-то вякал, что-то прочел. А потом Воинов сказал:

— Давайте, позовите всех, и сделаем этюд. Вы спите.

Все глаза закрыли, а я встал, начал спички зажигать. Он:

— Что вы делаете?

— Я клопов ищу.

Меня взяли за это, за фантазию. Стал я ходить в студию, тоже участвовал в приеме, и однажды, когда я уже сидел там, вошел человек в синем свитере с кепкой в руках.

— Фамилия?

— Эфрос.

— Кто такой?

— Токарь 4-го разряда авиационного завода.

— Что будете читать?

— “Птицу-тройку” Гоголя»¹⁰.

8 Художественный фильм о замученной фашистами партизанке Зое Космодемьянской. Снят в 1944 году режиссером Л. Арнштамом по сценарию, написанному им в соавторстве с Б. Чирсковым, на студии «Союздетфильм» (в 1948 году переименована в Московскую киностудию имени М. Горького).

9 Ныне это театрально-концертный зал «Дворец на Яузе», расположен по адресу: пл. Журавлева, дом 1.

10 Запись личной беседы с А. М. Адоскиным. 17 декабря 2008 года // Личный архив А. А. Степановой. С. 2.

Рассказ А. М. Адоскина в отдельных незначительных деталях не совпадает с его воспоминаниями, опубликованными восемью годами ранее [11, с. 20], где он писал, что прием в студию Воинова «проходил по пятницам» и что Эфрос пришел на прослушивание через неделю после самого Адоскина. В той публикации не было цвета эфросовского свитера, но главное, ничего не говорилось о способе рекрутирования студийцев из молодежи на съемочной площадке фильма «Зоя», премьера которого состоялась 22 сентября 1944 года. Между тем именно это обстоятельство позволяет предположить, что Анатолий Эфрос оказался в студии Воинова осенью 1943 года, причем осенью не поздней: тощий и ушастый пятнадцатилетний Адоскин в массовке у Арнштама рыл кинематографические окопы, то есть земля еще не смерзлась и не было снега, а Эфрос пришел на прослушивание в кепке и свитере. Следовательно, он поступил в студию Воинова примерно в сентябре — начале октября 1943 года, через месяц или два после возвращения в Москву и начала работы на авиационном заводе № 122.

Вряд ли все это время Анатолий Эфрос мог часто бывать в театре — надо было вместе с родителями обжиться в запущенном за войну доме, каждый день ходить на завод. Вряд ли и до войны он имел такую возможность, ведь рос он в совершенно нетеатральной семье. Но в 1943 году, вскоре после возвращения из Молотова, Эфрос пришел в театральную студию и стал одним из самых деятельных ее участников. Дмитрий Крымов рассказывал: «Бабушка была таких патриархальных взглядов на театр, а дедушка — я не уверен, что он каких-то взглядов на театр вообще придерживался. Там театрального ничего не было в детстве. Даже мама говорила, что она не понимает, откуда это все взялось. Почему он пошел в этот дворец пионеров, и я не понимаю»¹¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вострышев М. И. Москва сталинская. Большая иллюстрированная летопись. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. — 574 с.
2. Королев А. В. Молоток в китовом чреве Перми: герменевтический этюд // Город Пермь. Смысловые структуры и культурные практики / отв. ред. В. В. Абашев. Пермь: Пермский государственный университет, 2009. С. 3–111.
3. Шувалова Ю. Б. Люди сорок первого года. URL: <https://www.permarchive.ru/index.php?page=lyudi-sorok-pervogo-goda> (дата обращения: 20.08.2023).
4. Туровская М. И. Бабанова: легенда и биография. М.: Искусство, 1981. — 351 с.
5. Переверзин И. И. Искусство в огне // Welcome to Perm: журнал о пермском крае. 2010. № 1 (9). С. 32–37.
6. Королев А. Путешествие во чрево кита. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2009/4/puteshestvie-vo-chrevo-kita.html> (дата обращения: 20.08.2023).
7. Боброва Е. Е. «Города великого гонцы» в Прикамье. Из истории эвакуации. 1941–1945 годы // История Петербурга. 2006. № 1. С. 34–36.
8. Луньков А. С. Деятельность театров Урала в период Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2008. — 207 с.

¹¹ Запись личной беседы с Д. А. Крымовым. Москва, 20.02.09 // Личный архив А. А. Степановой. С. 5.

9. Смелянский А. М. Булгаков в Художественном театре. М.: Искусство, 1986. — 383 с.
10. Зорина Г. Г. О герое этой книги // Андрей Михайлович Лобанов: документы, статьи, воспоминания. М.: Искусство, 1980. С. 5–51.
11. Адоскин А. М. Искусство, которое не прекратится никогда // Театр Анатолия Эфроса. Воспоминания. Статьи. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. С. 19–30.

REFERENCES

1. Vostryshch M. I. *Moskva stalinskaja. Bol'shaja illyustrirovannaja letopis'* [Stalin's Moscow. Large Illustrated Chronicle.]. Moscow: Eksmo: Algoritm, 2011. 574 p.
2. Korolev A. V. *Molotov v kitovom chreve Permi: germenevicheskij etud* [Molotov in Perm's the Belly of a Whale: A Hermeneutical Study]. In: *Gorod Perm: Smyslovyje struktury i kul'turnyje praktiki* [City of Perm: Meaning Structures and Cultural Practices]. Ed. by V. V. Abashev. Perm: Perm State University, 2009, pp. 103–111.
3. Shuvalova Y. B. *Lyudi sorok pervogo goda* [People of the Forty-first Year]. Available from: <https://www.permarchive.ru/index.php?page=lyudi-sorok-pervogo-goda> [Accessed 20th August 2023].
4. Turovskaya M. I. *Babanova: legenda i biografiya* [Babanova: Legend and Biography] Moscow: Iskusstvo, 1981. 351 p.
5. Pereverzin I. I. *Iskusstvo v ogne* [Art on Fire]. *Welcome to Perm*. 2010, no. 1 (9), pp. 32–37.
6. Korolev A. *Puteshestvie vo chrevo kita* [Journey into the Belly of a Whale]. Available from: <https://magazines.gorky.media/october/2009/4/puteshestvie-vo-chrevo-kita.html> [Accessed 20th August 2023].
7. Bobrova E. E. "Goroda velikogo gontsy" v Prikam'je. *Iz istorii evakuatsii. 1941–1945 gody* [Messengers of the Great City in the Kama Region. From the History of Evacuation. 1941–1945]. *Istoriya Peterburga*. 2006, no. 1 (29), pp. 34–36.
8. Lunkov A. S. *Dejatel'nost' teatrov Urala v period Velikoj Otechestvennoj vojny: 1941–1945 gg* [Activities of Ural Theatres During the Great Patriotic War: 1941–1945]. Dissertation Thesis (Cand. Sc. in History). Yekaterinburg, 2008. 207 p.
9. Smelyansky A. M. *Bulgakov v Khudozhestvennom teatre* [Bulgakov at the Moscow Art Theatre.]. Moscow: Iskusstvo, 1986. 383 p.
10. Zorina G. G. *O geroje etoj knigi* [About the Hero of This Book]. In: *Andrey Mikhailovich Lobanov: dokumenty, stat'i, vospominaniya* [Andrey Mikhailovich Lobanov: Documents, Articles, Memories]. Moscow: Iskusstvo, 1980, pp. 5–51.
11. Adoskin A. M. *Iskusstvo, kotoroye ne prekratitsya nikogda* [Art That Will Never Stop]. In: *Teatr Anatoliya Efrosa. Vospominaniya. Stat'i* [Anatoly Efros Theatre. Memories. Articles]. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 2000, pp. 19–30.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Степанова Анна Анатольевна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории театра России
Российского института театрального искусства — ГИТИС.

E-mail: stepanova2a@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3043-6967

ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Stepanova — Cand. Sc. in Art Studies, Associate Professor of the Department of History of the Russian Theatre, Russian Institute of Theatre Arts (GITIS).

E-mail: stepanova2a@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3043-6967

Статья поступила в редакцию: 27.08.2023

Отредактирована: 12.11.2023

Принята к публикации: 14.11.2023

Received: 27.08.2023

Revised: 12.11.2023

Accepted: 14.11.2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Степанова А. А. Начало войны. Эвакуация. Возвращение в Москву. Поступление в театральную студию.

Материалы к биографии А. В. Эфроса (1941–1943) // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2023. № 4. С. 30–41.

DOI: 10.35852/2588-0144-2023-4-30-41

EDN DCKYHD

FOR CITATION

Stepanova A. A. The Beginning of the War. Evacuation. Return to Moscow. Admission to the Theatre Studio.

Materials for the Biography of A. V. Efros (1941–1943). *Theatre. Fine Arts. Cinema. Music*. 2023, no. 4, pp. 30–41.

DOI: 10.35852/2588-0144-2023-4-30-41

EDN DCKYHD